

Социология

УДК 316.35

О.А. Богатова

СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ «ГОРОДОВ ВЛАСТИ» В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОСНОВНЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ¹

В статье анализируются отечественные теоретико-методологические подходы к изучению административных центров субъектов Российской Федерации. Констатируется широкое применение концепта «столичности» применительно к административным центрам субъектов Российской Федерации, которые описываются исследователями в качестве пунктов концентрации региональных (или федеральной) властвующих элит, доминирующих над подконтрольной и зависящей от них «периферийной» территорией региона в политическом, экономическом и культурном отношении, имеющих доступ к глобальным или федеральным финансовым потокам, предоставляющим населению города и региона социальные шансы и доступ к разнообразным услугам, создающим и централизующим на контролируемой ими территории информационно-коммуникационные потоки, а также культурно-символические основания региональной идентичности. Отмечается наличие противоположных подходов к анализу региональной и городской территориальной идентичности: эссенциалистского, основанного на отождествлении «территорий принадлежности» и «территориальных пространств» в качестве объектов социальной идентификации населения и символического оформления территориальной политики идентичности с самосознанием населения региона и его столицы, и конструктивистского, фокусирующегося на активности и заинтересованности региональных элит в производстве их столичных идентичностей, историко-культурных образов и брендовых имиджей. Культурализация характеризуется в качестве преобладающего фрейма исследования городской идентичности в современной России при менее выраженном внимании к гражданской составляющей городской идентичности, основанной на ощущении ответственности за город и локальном гражданском активизме. К числу отличительных характеристик столичной идентичности республик в составе Российской Федерации отечественными исследователями относится тенденция к ее «этнизации» и поглощению республиканской идентичностью посредством редукции культурно-символических компонентов к культурным символам и перформативным (включая общественно-политические) практикам, относимым региональными элитами к этнонациональной идентичности «титовых» этнических общностей республик. Тем не менее практически одни и те же параметры идентичности – локальные символы, региональная и столичная «политическая мифология», ее герои и нарративы, публичные мероприятия – рассматриваются в качестве «естественных» или конструируемых оснований столичной идентичности в исследованиях, посвященных как столицам республик, так и другим субъектам Российской Федерации.

Ключевые слова: городские исследования, столичная идентичность, города власти, городская идентичность, политика идентичности, регион, республики в составе Российской Федерации.

DOI: 10.35634/2587-9030-2020-4-4-361-374

Региональные «столицы» субъектов Российской Федерации в качестве политических центров относятся к числу «городов власти» в понимании Й. Терборна, который использует этот термин в широком смысле, применительно к городам как месту расположения и органов политической (государственной) власти, и центров экономической власти капитала (например, мегаполисам, официально столицами не являющимся) [1. С. 16–18]. Так, политический статус региональных «столиц» обозначается в их уставах в качестве областных (краевых) центров. В республиках как субъектах Российской Федерации, имеющих статус «государств» и собственные конституции (согласно ст. 5 Конституции РФ), а также право учреждать собственные государственные языки, этот статус может быть обозначен в их конституциях посредством наименования в качестве столиц (Казань согласно Конституции Республики Татарстан) или городов республиканского значения (Саранск и Рузаевка в Конституции Республики Мордовия). В последнем случае конституционный статус республиканско-

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Научно-исследовательский проект № 20-011-00588 «Конструирование социальной идентичности населения столиц республик в составе Российской Федерации (на примере Республики Мордовия и Удмуртской Республики)».

го «города власти» лишен символического капитала, связанного с атрибутами эксклюзивности и «столичной» номинации, но этот недостаток восполняется на уровне символической политики идентичности, включающей такие практики, как организация всеобщего обучения «титულным» государственным языкам в средней школе, проведение всероссийских и международных мероприятий с этнической повесткой в г. Саранске, производство визуальных репрезентаций столичности в социальной рекламе, туристической печатной, интерактивной и сувенирной продукции, монументальной архитектуре и конструировании [2].

Объект и предмет исследования

Предметом исследования являются особенности социальной идентичности региональных административных центров в современной Российской Федерации в условиях включения в глобальную экономику и трансформации их административно-политических функций в различных исследовательских перспективах, представленных в отечественной урбанистике и регионалистике, объектом – научные публикации, посвященные «столичным» характеристикам российских городов. Цель исследования заключается в выявлении основных смыслов концепта «столичности» применительно к административным центрам, задачи – в сравнении зарубежных и отечественных теоретико-методологических подходов к исследованию идентичности и социальных функций региональных «столиц», выявлении их социальных характеристик в отечественных социальных науках, формулировании понятия столичной идентичности применительно к российским региональным центрам и выявлении специфики социальной идентичности столиц республик в составе Российской Федерации в сравнении с другими региональными политическими центрами.

Методология и методы исследования

Современная социология города, основываясь на идеях Т. Парсонса, П. Бурдьё, А. Лефевра, А.Ф. Филиппова, определяет город прежде всего в качестве особой социальной общности на основе понятий территориальности и социальной идентичности, формируемой населением города на основе собственной территориальной стабильности, «результатом которой является конструирование устойчивых идентификационных моделей для жителей (резидентов), что позволяет им через сети привязанностей рассуждать о “родном” и “чужом”, “своих” и “чужих”» [3. С. 28-29], а также через понятия социальной деятельности (Й. Терборн) и «потоков» людей и ресурсов, необходимых для удовлетворения их потребностей, рассматривая в качестве ключевой характеристики территориального управления именно управление потоками [4. С. 98-100]. Городская идентичность рассматривается в отечественных исследованиях в качестве разновидности территориальной идентичности, включающей, по определению С. Роккана, такие компоненты, как идентификация с «пространством принадлежности», связанная непосредственно с принадлежностью к группе, обладающей «общими социокультурными чертами», и идентификация с «”территориальным пространством”, которое представляет собой самоотождествление с особой географической областью и проживание на ней» [5. С. 124].

Характеризуя свойства социального пространства города и городской среды в условиях глобализации экономической и политической власти, социологи исходят из соотнесения пространственных характеристик города, социологического и географического подходов [6. С. 17], чаще всего концентрируются на отклонениях от выделенных в классических теориях свойств городской идентичности: идентификации с определенным местоположением, свободной анонимной коммуникации с незнакомцами, функциональной дифференциации, контроле и рационализации поведения индивида [7; 8. С. 4].

Так, З. Бауман отмечает кризис идентификации городского населения с определенной локацией в качестве одной из характеристик постмодерна (текучей современности). С его точки зрения, современные города – это одновременно «пространства потоков» ресурсов, регулируемых местными элитами, интегрированными в глобальную экономику, и «пространства мест», в своем локальном аспекте актуальные для населения, не имеющего ресурсов для свободного пересечения пространства. Как полагает З. Бауман, эти два аспекта городского пространства находятся в состоянии конфликта и одновременно во взаимосвязи: «Ни одно из этих двух пространств не может выжить самостоятельно. Оба могут жить только во взаимной связи друг с другом. Пространство потоков нуждается в своем явном противнике – пространстве мест, – удовлетворяющем его потребности, которые оно не спо-

собно удовлетворить самостоятельно» [9. С. 39], а «пространство мест» пытается привлечь эти глобальные экономические потоки с разной степенью успешности.

Р. Сеннетт описывает тенденции развития городской среды в условиях глобального капитализма в таких терминах, как деградация публичной сферы и появление «псевдопубличных пространств». Псевдопубличные (мертвые публичные) пространства предназначены не столько для организации коммуникации с незнакомцами, сколько для изоляции и разобщения различных групп людей, причем разнообразными способами – от приспособления городской архитектурной среды под нужды автомобилистов до трансформации режима видимости в самоконтроль и трудовую самодисциплину, основанную на пресечении межличностных контактов (при помощи стеклянных стен и открытых офисов). По мере того как главными функциями публичного пространства становятся обеспечение движения, потребления и изоляция, оно утрачивает публичные функции общения, теряет всякое независимое, основанное на опыте собственное значение [10. С. 21-22]. М. Оже определяет аналогичные городские пространства, выполняющие транзитную функцию, в качестве «не-мест», так как они лишены индивидуальности и не формируют идентификацию с определенным сообществом [11. С. 84].

Наиболее адекватной теоретической рамкой социологического исследования «столичной» идентичности российских региональных административных центров, с нашей точки зрения, является концепция «городов власти» Й. Терборна, анализирующего функции столичных городов в контексте глобального капитализма. Терборн полагает, что городскую идентичность образует взаимодействие в «четырёхугольнике конкурирующих сил и типов влияния» [1. С. 20], включающем политическую власть (национальную и городскую), капитал (глобальный и национальный), привилегированные классы и народные массы. В силовом поле «встреч и отношений четырех социальных сил: городской, национальной, народной и глобальной» [1. С. 20] – доминирует именно политическая элита, которая «конструирует смысл жизни в городе: возможности и ограничения, чувство и приоритеты городской жизни, идентичности в городе, смыслы прошлого города и страны, настоящее и будущее, к которому стремятся люди» [1. С. 23], в том числе посредством архитектурных репрезентаций своей власти на уровне городского планирования, создания пространств общественного назначения (площадей, схем пространственного расположения административных и других общественных зданий) и символических функций архитектуры (внушительные здания, подавляющие своим объемом, символизирующие экономическую и политическую власть, которая в современную эпоху выходит за пределы национального государства), а также посредством «неузнавания, пренебрежения или отрицания интересов определенных секторов или групп населения» [1. С. 23] в процессе городского планирования, представляющем собой производство социального пространства.

В то же время само по себе понятие политического и экономического центра, которым оперируют урбанисты и экономгеографы (например, Н.В. Зубаревич, ссылаясь на центр-периферийные теории Дж. Фридмана, П. Пребиша и А. Франка [12]) при характеристике социального статуса «городов власти», отсылает, с одной стороны, к миросистемному анализу и основанной на асимметричном разделении труда макросоциологической концепции ядра и периферии мировой системы И. Валлерстайна [13. С. 80-81], с другой – к политической регионалистике, включая, например, В.Я. Гельмана, С. Роккана и Д. Урвина, определивших «центр», в противоположность «периферии», как «привилегированный пункт территории, в котором наиболее часто встречаются друг с другом обладатели ключевых военных/административных, экономических и культурных ресурсов; в котором имеются специально установленные места для обсуждений, переговоров и принятия решений; где люди собираются для ритуальных церемоний подтверждения своей идентичности, где имеются памятники, символизирующие эту идентичность; где присутствует самая большая доля экономически активного населения, занятого обработкой и передачей на дальние расстояния сообщений и инструкций» [5. С. 120-121].

Политические характеристики «центра» в любой централизованной территориальной структуре, по мнению С. Роккана и Д. Урвина, дополняются его экономическим и культурным доминированием в качестве, с одной стороны, «мест, в которых производятся услуги», а с другой – в качестве «узлов коммуникативной сети», контролирующих «основную массу взаимодействий между обладателями ресурсов по всей территории» и вследствие этого обладающих «возможностью занимать доминирующую позицию в потоке сообщений посредством стандартного языка и набора институтов систематического консультирования и представительства» в противоположность зависимой периферии, которая «контролирует в лучшем случае только свои собственные ресурсы...; она изолирована от всех регионов, помимо центрального; не вносит значительного вклада в общий поток коммуника-

ций внутри данной территории; обладает культурой, которая не универсальна, не составляет само-достаточное целое, имеет значимость для ограниченного круга людей и не является полностью преобладающей на политически определенной территории» [5. С. 121].

Существенным аспектом современной урбанистики является изучение культурно-символической среды города, формирующей образы и символы городской идентичности посредством визуальных (визуальные образы города и отдельных достопримечательностей) и вербальных (описание города как единого целого, персонификация, приписывание атрибутов, аналогии) репрезентаций городского пространства как «определенных стилизованных и символических средств, чтобы «увидеть» город» [14. С. 36]. В соответствии с концепцией культурной репрезентации С. Холла, понимавшего под нею процесс соотнесения понятий с реальными или воображаемыми объектами, людьми или событиями [15. Р. 17], А. Страус и Р. Воль полагают, что символические репрезентации города носят не только визуальный и эмоциональный, но и когнитивный характер, так как нуждаются в определенном прочтении, оставляя часть того, что Й. Терборн называет городским текстом: «На самом деле не нужно, чтобы кто-то буквально видел сам вид; важно быть способным понять, что он репрезентирует. Скопления зданий, цельность и плотность агломерации, блестящие крыши, обманчивая ясность и упорядоченность, которую придает сцене взгляд издали, по-видимому, отражают всю энергию, многолюдность, богатство и величие города» [15. Р. 38].

Ш. Зукин обращает внимание на такой аспект конструирования социальной идентичности крупного города, как ее коммерциализация посредством инвестиций в застройку и развитие сферы услуг в определенных районах городского пространства, а также изменения образов города при помощи манипуляций «аутентичными» образами городской среды. Она считает, что в современной символической экономике города совмещаются производство пространства, в котором финансовые инвестиции взаимодействуют с культурными смыслами, и производство символов, которые являются и валютой коммерческого товарооборота, и языком социальной идентификации [16. С. 377].

Зукин проблематизирует понятие аутентичности (подлинности) образов современного города, понимая под нею связь с корнями, преемственность традиций и культурного наследия изначального городского населения, и выделяет два подхода к решению этой социальной проблемы: 1) постепенное изменение материальной культуры города, предполагающее «постоянный диалог между двумя сторонами аутентичности: между чертами, которые каждое поколение считает «оригинальными», то есть изначальными, потому что они сопровождали всю их жизнь, и теми, которые каждое поколение создает само» [17. С. 14]; 2) заново сконструированная идентичность районов, освоенных в результате их джентрификации новыми группами населения, навязывающими свои представления о культурной аутентичности, свой «сознательно выбранный стиль жизни и поведения, а также средство вытеснения тех, кто не вписался» [17. С. 23]. В этом случае конструирование «аутентичности» представляет собой «эволюционирующую технологию власти, разрушающую одну систему смыслов и чувств и заменяющую ее другой» [17. С. 316].

З. Бауман также подчеркивает динамичный и неустойчивый характер культурного содержания городских идентичностей, обусловленный конфликтным характером взаимодействия социальных групп, составляющих городское население и являющихся носителями различных потребностей и ценностей: «Вопреки распространенному мнению, локально закрепленные смыслы и идентичности не являются подлинной реальностью» [9. С. 39].

Эти теоретические подходы активно применяются отечественными исследователями, концептуализирующими в форме понятия столичности практически все описанные С. Рокканом характеристики «центральной» территориальности применительно к российским политическим центрам, включая национальную и «провинциальные» столицы.

Результаты исследования

В условиях «постсовременности» города становятся «постиндустриальными брендами» [18], которые стремятся продавать свой собственный имидж, привлекая денежные потоки и перераспределяя их крайне неравномерно, следствием чего являются кризис городской идентичности и конфликты на предмет возможности проживания в более комфортной городской среде и политического участия в принятии решений о развитии города – «права на город». Вместе с тем возможности такого крайне проблематичного развития в современной России опосредованы административным ресурсом, кото-

рый дает больше шансов «городам власти». Развитие современных городов, как отмечает Е.Г. Трубина, является предметом междисциплинарных городских исследований, включая *cultural studies*, географию городов, социологию и социозэкологию, а в настоящее время наблюдается тенденция к преобразованию современной урбанистики в комплексную междисциплинарную теорию [19. С. 9]. Количество публикаций по результатам городских социальных исследований огромно: так, Б.Е. Винер и К.С. Дивисенко выделяют 17–19 исследовательских кластеров в области только российской этнографии / антропологии города [20. С. 35]. Поэтому мы остановимся на основных, на наш взгляд, проблемных сюжетах и направлениях городских социальных исследований в современной России.

Специфика административных центров российских регионов, по мнению российских урбанистов, заключается в том, что они являются точками концентрации как политического, так и экономического капитала вследствие опосредованности возможностей экономического развития административным ресурсом «столичности». Как отмечает социолог В.Н. Лексин, используя термин «города власти» применительно к «региональным столицам» России, эти города, «сосредоточивая в среднем около 30 % населения, ... формируют 40–70 % валового регионального продукта каждого субъекта РФ, т. е. макроэкономическая отдача, приходящаяся на одного работающего в столицах и этих городах, в среднем на 80 % выше, чем на остальной территории соответствующих регионов» [21. С. 4].

Таким образом, российские социологи рассматривают город, в соответствии с определением А. Лефевра, в качестве социального пространства, которое становится таковым в результате его символического и функционального присвоения – использования в целях, связанных с определенной «присвоительной» социальной деятельностью [22. С. 169], а также отмеченной Й. Тёрборном дифференциации социальной деятельности в этом пространстве посредством предоставления возможностей – прежде всего в плане финансов и трудоустройства – и предоставления определенных городских и коммунальных услуг [1. С. 27].

Концептуализируя собственно понятие городской идентичности, российские исследователи, в отличие от С. Роккана, не всегда различают такие идентификационные функции пространства, как территориальное пространство и пространство принадлежности. Как будет показано дальше, наряду с выделением групповой самоидентификации как основы городской или региональной идентичности, в научных исследованиях встречаются и примеры отождествления идентификации с территорией и ее населением в модальности эссенциализации территориальной общности – рассмотрения административно-территориальной единицы в качестве квазиестественного и самоочевидного объекта самоидентификации, солидарности и чувства принадлежности ее населения. Так, Н.Л. Антонова характеризует городскую идентичность как «идентификацию человека с общностью горожан, социальными группами, функционирующими в пространстве города. В подобном ракурсе идентичность формируется через социальные связи и контакты, а также социальный опыт, который индивид приобретает как житель городского поселения» [23. С. 14], а Г.В. Горнова – как «устойчивое представление человека о себе как о жителе именно этого города, естественное ощущение своей связи с городом, эмоциональное отношение к факту собственной соотнесенности с городом и его жителями, некое сложно артикулируемое чувство общей судьбы» [24. С. 14].

Второе определение демонстрирует пример именно эссенциалистского подхода, натурализирующего социальную самоидентификацию и представляющего собой, по определению Р. Брубейкера, следствие такого распространенного феномена социального мышления, как группизм – представления о социальных группах (в данном случае территориальных общностях) как коллективных личностях [25. С. 128]. Группистское и этнистское (применительно в республикам в составе Российской Федерации и их столицам) мышление, как будет показано далее, в отечественных исследованиях в особенности проявляет себя в анализе культурно-ценностных оснований социальной идентичности и политической субъектности административных регионов и их центров.

В современных российских исследованиях субъектности «городов власти» можно выделить несколько направлений. Во-первых, это социологический анализ факторов и последствий городского развития, включая констатацию его прогрессирующей поляризации. По замечанию Е.Г. Трубиной, «организация пространства любого крупного российского города уже ведется в соответствии с капиталистической логикой» [26. С. 240], а крупные города развиваются «в результате мирового капиталистического разделения труда, сконцентрировав максимум финансов и прочих ресурсов. Это относится и к городам российским, где центр стоит понимать прежде всего как источник специфически концентрируемых и распределяемых ресурсов» [26. С. 240], причем их крайне неравномерное пере-

распределение в интересах групп, которые часто не предполагают постоянно проживать в городах, усугубляет социальную поляризацию городского населения, способствует формированию сегрегированного рынка труда с нестабильной занятостью и ухудшает условия жизни большинства. В провинции источником финансовых потоков, как отмечает Е.Г. Трубина, часто становятся «мегасобытия», привлекающие значительные средства из федерального бюджета (национального политического центра) посредством административного ресурса региональных центров, задействуемые в качестве «машин развития» – поводов для извлечения прибыли из использования городского пространства в интересах местных элит [27]. При этом постиндустриальная траектория развития оказывается доступной для немногих крупных городов в первую очередь за счет административного ресурса: «рост одних будет строиться на недофинансировании других» [26. С. 244].

В современных экономико-географических исследованиях также подчеркивается «тесная связь общего состояния города с его административно-политическим статусом и размером. Чем он крупнее и чем выше его место в официальной иерархии, тем он обычно активнее, адаптивнее и благополучнее» [28. С. 261]. Акцент на значимости административного ресурса для развития городов находит выражение в использовании в урбанистике концепта столичности применительно к региональным административным центрам современной России. Однако общая оценка последствий такой пространственной концентрации ресурсов и поляризации развития разными исследователями различается. Так, Н.В. Зубаревич полагает, что «настоящие города – с диверсифицированной сферой приложения труда, относительно развитой социальной инфраструктурой, преимущественно городским образом жизни населения», к которым она относит города с численностью населения более 250 тыс. чел. и центры субъектов Российской Федерации, доля населения которых составляет «менее 7 % от общей численности городских поселений» являются локомотивами модернизации и инновационного развития соответствующих территорий, как и в советский период, когда «наибольшую долю средств получали “региональные столицы”» [29. С. 8-9]. В конце 2010-х гг. она по-прежнему отмечает «отставание нестоличных городов от региональных столиц» [30. С. 39], видя причину этого феномена в том, что «конкуренция крупных городов идет не за человеческие ресурсы и инвестиции бизнеса, что способствует развитию, а за финансовую помощь из регионального и федерального бюджета» [30. С. 50].

Основоположник отечественной урбанистики В.Л. Глазычев оперировал понятием «столица» по отношению к субъектам Российской Федерации, в то же время подчеркивая принципиальное отличие их от западных провинциальных центров как «городов-регионов», нацеленных на обслуживание окрестного населения: российские региональные центры развиваются «иным путем, через все большую концентрацию и функций, и ресурсов для их выполнения в городах, являвшихся областными столицами, а ныне – столицами субъектов федерации различного наименования» [31. С. 259]. Применительно к постсоветскому развитию он пишет о псевдофедерализме и «ловушке регионального подхода», в котором «все богатство пространственности страны оказалось сведено к почти сотне парных конструкций “Центр – регион”» [32. С. 104], что влечет за собой отождествление регионов с их административными центрами и не способствует развитию остальных городов: «порегионная схема годится лишь для учета эффектов, тогда как программно-проектная часть должна исходно иметь межрегиональный характер» [32. С. 113].

В своей критике регионального подхода в современной российской региональной политике В.Л. Глазычев поднимает проблему поглощения городской территориальности и идентичности региональной, отмечая, что «окраска федерализма в этнические оттенки, унаследованная Российской Федерацией, существенно ослабляет единство страны» [32. С. 113]. Однако главная причина, по которой формируется и воспроизводится регионализм (не только этнический) в современной России, по его мнению, заключается в том, что «в современной России сохраняется унаследованный от Советского Союза принцип совмещения границ – административно-учетных и функциональных. Этот принцип был терпим, пока его действие отчасти компенсировалось монолитностью конструкции КПСС, однако при исчезновении такого каркаса действие принципа теряет обоснованность» [32. С. 113]. Таким образом, административные регионы рассматриваются одновременно как единицы экономического развития и пространства экономических потоков, что, с нашей точки зрения, относится к последствиям регионализации «власти-собственности» в постсоветской России и доминирования политических элит в экономике.

Тем не менее, констатируя наличие тенденции к поляризации «столичных» и остальных городов в российских регионах, В. Л. Глазычев, как и Н. В. Зубаревич, практически не указывает выхода

из «ловушки регионального подхода» в обозримом будущем. Объединение регионов в более крупные административно-территориальные единицы оба автора не считают решением данной проблемы, так как в ситуации, когда условием инновационного экономического развития города остается административный ресурс, «любое сокращение числа статусно признанных центров означает торможение инновационных процессов» [32. С. 113]. Как полагает Н.В. Зубаревич, отмечающая тенденцию к развитию региональных центров за счет местной периферии, «состояние региональных центров лучше, чем нестоличных городов, поэтому любые попытки укрупнения регионов нанесут дар по «точкам роста» – региональным столицам» [30. С. 50]. В.Л. Глазычев полагает тем не менее, что проблема укрупнения регионов снова заявит о себе, так как «ряд субъектов Федерации в ближайшее время утратит жизнеспособность по мере демографического сжатия России» [32. С. 113], хотя практика показывает, что сама по себе малочисленность некоторых республик (например, Алтай, Тыва) не рассматривается в качестве основания для их объединения с соседними субъектами РФ.

Определение республик в качестве государств в их Конституциях и концепт государственных языков республик в Конституции Российской Федерации предполагает декларацию и пропаганду «столичного» имиджа региональных административных центров в политике идентичности, даже если они не провозглашены столицами официально. Так. Г.И. Макарова отмечает «возвеличивание центрального города, стремление придать ему статус столичности», включая преимущества его расположения, многовековую историю, «наличие высокого экономического, политического, культурного потенциала» [33. С. 94], а А. Яцык отмечает значимость «пост-политических, включая перформативные, компонентов строительства идентичности» [34. Р. 174]. Применительно к административным центрам республик в составе Российской Федерации исследователями констатируется и по-разному интерпретируется факт этнизации и политической национализации их «столичной» идентичности.

В.И. Дятлов определяет тенденцию к этнизации социокультурных характеристик городского пространства столиц республик как «актуализацию этнического фактора в повседневной жизни, социальных и политических отношениях, в механизме формирования социальных связей и отношений, маркировании их этническими категориями» [35. С. 8] и характеризует ее как явление, основанное на придании им в советский период «функции национальной столицы как фабрики, инструмента для выращивания нации», благодаря которой этничность становилась «ресурсом власти, формирования структур повседневности... Иными словами, этнизация отношений зависит не от этнической структуры населения города, а от значения, придаваемого этничности властью» [36. С. 239].

Ю.П. Шабаев описывает «практические формы реализации идеи этнизации» на примере г. Сыктывкара, столицы Республики Коми, относя к их числу огосударствление языка «титულიной» этнической общности и создание полилингвистической архитектурной среды на этом основании декорированием зданий при помощи условного «национального орнамента», чаще всего не имеющего этнической специфики, деятельность этнических ансамблей, организацию выставок и других культурных мероприятий с этнической повесткой, а также общественно-политических мероприятий, служащих перформативными инструментами конструирования образа республики как этнической родины народа коми и компенсирующих неэтнический конституционно-правовой характер российского федерализма – съездов коми народа, конгрессов финно-угорских народов [37. С. 96]. Следствием этнизации городского пространства он считает поглощение собственно городской идентичности республиканской – процесс, в результате которого в символической среде столицы республики «собственно городской текст оказывается вторичным» [37. С. 97].

Причины сохранения и усугубления этого явления в постсоветский период, несмотря на декларированный неэтнический характер российского федерализма, анализируются на стыке политической (исследования постсоветского регионализма) и экономической регионалистики. Если Ю.П. Шабаев, так же как В.И. Дятлов и Р.Ф. Туровский, относят этот феномен к результатам республиканской политики идентичности, имеющей много общего с политикой идентичности других субъектов Российской Федерации, то в ряде исследований республиканской идентичности, в частности пермской политологической школы, присутствует ярко выраженная тенденция к «оестествлению» этнонациональных компонентов региональной и столичной идентичности республик: «Маркеры этничности, таким образом, связаны с культурно-психологическим ядром ценностей регионального социума, определяют сложившиеся ментальные особенности, традиции и обычаи жителей» [38. С. 713]. Подчеркивая относительность всех известных политической науке индикаторов «этнической региональной автономии» (официального языка, самоназвания, совпадающего с названием «титульного этноса»,

этнических предпочтений, этнических компонентов региональной государственной символики, праздников и т. п. [39]) и отсутствие конституционного статуса «автономий» у республик в составе Российской Федерации, пермские исследователи тем не менее прилагают усилия для обоснования этой номинации, практически легитимируя региональное политическое мифотворчество при помощи экспертного дискурса.

В данном случае производство экспертного знания становится не только фактором эссенциализации существующего административно-территориального деления, но и опосредованной предпосылкой его дальнейшей этнизации через воздействие на общественное сознание, поскольку именно гражданское общество является источником законотворческих инноваций. Показателем группизма и этницизма в экспертном дискурсе в данном случае служит, например, использование по отношению к республикам, как «этническим родинам», термина “homelands” [40. С. 178], служившего названием этнотерриториальных автономий (также известных под полуофициальным названием «бантустаны») в Южной Африке в период апартеида. При этом, несмотря на очевидную методологическую зависимость отечественных политологов от зарубежных теоретических концепций этнорегиональной автономии, разработанных на иной эмпирической основе, в ряде случаев эта зависимость в аспекте эссенциализации административной субъектности российских регионов носит обоюдный характер: так, авторы американского справочного издания «Территории Российской Федерации», например, говорят о формировании феодальных отношений в Мордовии в XII–XIII вв., очевидно воспринимая ее в качестве единого на тот момент региона с четкими социальными и географическими границами [41. Р. 195].

Стоит отметить, что феномен натурализации социальной идентичности административных регионов прослеживается не только в политологических исследованиях и не только в оценке значимости республиканской идентичности: так, экономикогеограф Н.В. Зубаревич считает аргументом против объединения субъектов Российской Федерации перспективу «уничтожения одной из немногих существующих и очень важных идентичностей россиян – региональной, которая служит основой для формирования регионального социума» [42. С. 82], несмотря на осведомленность об относительно недавнем происхождении современного российского административно-территориального деления.

В отечественных региональных исследованиях представлена и другая концепция современного российского регионализма, рассматривающая его в качестве продукта политики идентичности региональных элит, заинтересованных в конструировании, воспроизводстве представлений об административном регионе как малой родине населения. Так, В.Л. Глазычев к числу нежелательных эффектов регионального подхода, при котором все субъекты Российской Федерации выглядят одинаковыми «строками» в списке, несмотря на их реальное экономическое и социальное неравенство, относит укоренение и развитие регионалистского сознания у местных элит, заинтересованных в «оестествлении границ региона, поскольку их поле ответственности очерчено этими границами», вследствие чего «любая идея кооперации между регионами или только их частями обычно отторгается в силу «естественного» ухода от излишней сложности» [32. С. 111]. Основным мотивом постсоветского регионализма он считает заинтересованность в сохранении административного ресурса, так как в большинстве случаев «за стремлением удержать субъектность региона стоит реальное опасение утраты доходов без надлежащей компенсации» [43. С. 74].

Сходной позиции относительно причин и последствий формирования современного российского регионализма придерживается Р.Ф. Туровский, рассматривающий с точки зрения политической регионалистики поселенческую идентичность в качестве одного из уровней региональной идентичности, констатирующий привязку региональной идентичности в современной России к административным границам и характеризующий «артикуляцию особых региональных интересов в России» как «явление достаточно новое, в явной форме проявившееся при распаде империи, а затем – при распаде СССР» [44. С. 133], характеризуя при этом политику идентичности республик в составе Российской Федерации в качестве прообраза постсоветского регионализма вообще [45].

Исследования политики конструирования идентичности российских «городов власти» находятся на стыке политической регионалистики, определяющей эту политику как деятельность «по управлению информационной средой в целях создания у потребителей информационных потоков внутри и вовне региона желаемого представления о самом регионе, о самих себе в регионе и о месте региональных элит в прошлом, настоящем и будущем региона» [46. С. 192], и регионального брендинга городов, в котором идентичность города практически отождествляется с идентичностью его бренда,

«системно выраженной в ярких и привлекательных идеях, символах, ценностях, образах и нашедшей максимально полное и адекватное отражение в имидже города» [47. С. 152].

Еще одно направление в исследовании социальной идентичности региональных городов власти в современной России представлено исследованиями ценностно-символических основ их культурной самоидентификации, включая различные компоненты городской идентичности в их взаимосвязи с региональной. В ряде работ подчеркивается динамичный и сконструированный характер идентичностей города, включая региональные административные центры. Так, Е.В. Головнева отмечает «роль административного ресурса, позволяющего артикулировать свою отличительность принципиально новыми способами. Сюда можно отнести целенаправленное создание политического дискурса, конструирование новых значимых идентичностей, превращающих культурные и символические различия в политические» [48. С. 202]. По ее мнению, «в рамках политического дискурса образы городской культуры создаются целенаправленно, в качестве инструмента преобразования социальной реальности», которое включает перформативные аспекты политики идентичности, в том числе публичные праздники, исторические реконструкции, мегасобытия, историческую политику городских властей, сознательное мифотворчество и даже сакрализацию городской идентичности: «Феномен сакрализации может выражаться как в идеализации авторитетов (основателей города, выдающихся горожан и т. п.), почитании объектов городской культуры (памятников, знаменательных мест, элементов ландшафта и т. п.), так и в наделении города мистическими автохтонными чертами (например, город характеризуется как древнейший, вечный, исключительный)» [49. С. 59].

Противоположный подход к определению и операционализации понятия городской идентичности демонстрирует исследование социальной идентичности ряда областных и краевых центров России (Белгорода, Владимира, Нижнего Новгорода, Иркутска, Хабаровска, Смоленска, Ярославля) группы ЦИРКОН, основанное на культурализации и эссенциализации этого концепта, включая такие компоненты, как сакральность и иные символические ценности, связанные с определенным пространством принадлежности. В основе этой операционализации находится авторская концепция коллективной идентичности П.Л. Крупкина и С.Д. Лебедева, выделивших в качестве основных ее параметров центральное место сообщества (символический центр города и другие значимые места), представления о локальной географии (масштаб города и его расположение относительно других поселений), локальные ценности и святыни как «сакральные основания» городской идентичности, ритуалы единения (публичные мероприятия, служащие воспроизводству локальной идентичности), «пантеон героев» местной истории и представления об общей структуре городского сообщества, включая его социальные границы, ядро, периферию и различные сегменты [50. С. 37].

Недостаток этой операционализации, на наш взгляд, заключается в «группистском» мышлении и, как следствие, тенденции к реификации и натурализации городской идентичности, превращения ее из отношения в «вещь в себе», автономную по отношению к локальной политике идентичности и социальным отношениям в региональном социуме и его административном центре. Этого недостатка, на наш взгляд, лишен подход ижевских урбанистов к исследованию городской идентичности посредством изучения «ментальных карт» ижевчан, под которыми понимается «способ визуализации субъективных представлений об окружающей действительности» [51. С. 29]. Таким образом, территориальная идентичность, в том числе идентичность «города власти», рассматривается как совокупность актуальных на данный момент субъективных представлений населения о своем городе, включая «карту идентичности» (здания, места, информационные объекты, обеспечивающие воспроизводство городского патриотизма и чувства причастности к городской жизни [51. С. 30], ментальную карту мест отдыха и «фланирования» в Ижевске [52] и т. п.

Сознательное конструирование столичной идентичности и коммерческого имиджа региональных административных центров в современной России, как правило, предполагает наличие отсылок к прошлому, которое также рассматривается как символический ресурс столичности. Основания для такой отсылки с целью номинации города в качестве, например, третьей столицы России могут быть самыми различными: от конструирования преемственности с утраченной этнической государственностью (Казань) до обращения к истории горнозаводской промышленности Екатеринбурга как промышленной столицы Урала [3. С. 114] или белого движения как основания для обоснования мифа о третьей столице, Белой столице и «столице Сибири» применительно к Омску [53. С. 92].

Описание результатов, упомянутых выше, и ряда других прикладных исследований в области социологии и антропологии города [53-55] позволяет говорить о культурализации как преобладаю-

щем фрейме исследования городской идентичности в современной России. Это проявляется в описании исследователями города преимущественно как объекта культурно-исторической идентификации и территории совместного досуга и потребления – как материального, так и символического. Крайне редко встречаются исследования, в которых городская идентичность проблематизируется как гражданская (основанная на «разделяемой ответственности за происходящее в городе» [56. С. 43]) в силу объективных причин, к числу которых О.И. Вендина, обосновывая данный подход, относит слабую выраженность гражданской ответственности горожан даже в таком мегаполисе, как Москва («Принцип «мы все разные, но нас объединяет то, что мы живем в одном городе» практически не работает, поскольку подавляющее большинство людей руководствуется в жизни утилитарно-эгоистическими, а не общественно-альтруистическими соображениями» [56. С. 33]), а также разобщенность населения «островов» московского «архипелага» вследствие не только различного менталитета и образа жизни, но и разного уровня благосостояния. Тем не менее она считает возможным выделить две сформировавшиеся к настоящему времени формы московской идентичности: работающую на исключение идентичность «как чувство “коренных (настоящих) москвичей”» [56. С. 43] и инклюзивную идентичность, основанную на ощущении гражданской ответственности. В данном исследовании мы встречаемся с примечательным случаем проблематизации взаимоотношений гражданской и квазиестественной культурной идентичности горожан, основанной именно на ощущении аутентичности как связи с корнями, в противоположность преобладающей тенденции редукции городской идентичности к культурно-исторической.

Суммируя сказанное выше, можно заключить, что анализ результатов отечественных исследований позволяет констатировать наличие у населения административных центров субъектов Российской Федерации особой «столичной» идентичности, основанной на самоидентификации с территорией и населением города, воспринимаемого в качестве регионального политического, экономического и культурного центра на контролируемой в качестве зависимой от него периферии территории региона, концентрирующей административные, экономические, информационные, символические ресурсы и контролирующего их поступление в регион. Следовательно, специфика региональной столичной идентичности заключается в их двойной центрo-периферийной идентификации – по отношению к региональной периферии и к более крупным городам и национальным столицам. Специфика социальной идентичности республиканских административных центров по сравнению с другими «региональными столицами» в России заключается в систематическом приписывании им местными элитами сознательно конструируемой и воспроизводимой посредством республиканской политики идентичности функции символической «этнической столицы» – политического и культурного центра «тигунной» по отношению к республике этнической общности (общностей).

Заключение

Таким образом, анализ отечественных подходов к изучению социальной идентичности федеральной и региональных «столиц» в современной России позволяет констатировать широкое применение концепта столичности к административным центрам субъектов Российской Федерации независимо от конституционного статуса этих субъектов. При этом содержание понятия «столичности» и его компонентов соответствует основным аспектам понятий «города власти» (Й. Терборн) и, в более специфичном значении, «центр» политической территориальной системы» (С. Роккан и Д. Урвин) в зарубежной социологии и политологии. Российские «города власти» описываются исследователями как места концентрации региональных (или федеральной) властвующих элит, доминирующие над подконтрольной и зависящей от них административной территорией в политическом, экономическом и культурном отношении: центры принятия политических решений, места расположения органов власти, которые в то же время являются экономическими центрами, имеющими доступ к глобальным (Москва) или федеральным финансовым потокам, предоставляют населению города и региона социальные шансы и доступ к разнообразным услугам, создают и централизуют на контролируемой ими территории информационно-коммуникационные потоки, а также культурно-символические основания территориальной идентичности.

При этом в отечественных социологических, политических и экономических исследованиях подчеркиваются территориальная и социальная поляризация населения как регионов, так и их административных центров, а также значение административного ресурса как основного конкурентного преиму-

щества «региональных столиц» перед остальными российскими городами, позволяющего им развиваться за счет ресурсов как федерального бюджета, так и контролируемой ими в качестве периферии территории соответствующего субъекта Российской Федерации. В исследованиях, где это значение недостаточно отрефлектировано, прослеживается тенденция к упрощенному отождествлению «территорий принадлежности» и «территориальных пространств» в качестве объектов социальной идентификации населения, а также эссенциализации культурных характеристик города или региона, основанных на представлении о территориальности города или административного региона как достаточном основании для формирования территориальной идентичности и отождествляющих символическое оформление региональной (в первую очередь республиканской) политики идентичности с самосознанием населения соответствующей территории. В противоположность эссенциалистской тенденции в региональных и городских исследованиях, конструктивистский подход к исследованию социальной идентичности региональных «городов власти» (В.Я. Гельман, В.Л. Глазычев, Е.В. Головнева и т. д.) фокусируется на активности и заинтересованности региональных элит в производстве их столичной идентичности, историко-культурных образов и брендового имиджа.

Следует также отметить доминирование культурализирующего (направленного на перекодирование социальных феноменов в терминах культуры) подхода как основной теоретической рамки в российских социальных исследованиях городской идентичности (Г.В. Горнова, П.Л. Крупкин, С.Д. Лебедев) при менее выраженном внимании к гражданской составляющей городской идентичности, основанной на ощущении ответственности за город и локальном гражданском активизме (О.И. Вендина). К числу отличительных характеристик столичной идентичности республик в составе Российской Федерации отечественные исследователи (К.В. Григоричев, В.И. Дятлов, Ю.П. Шабаев) относят тенденцию к ее этнизации и поглощению республиканской идентичностью посредством редукции культурно-символических компонентов к культурным символам и перформативным (включая общественно-политические) практикам, относимым региональными элитами к этнонациональной идентичности «титულных» этнических общностей республик. Тем не менее эти отличия не следует преувеличивать, так как практически одни и те же параметры идентичности – локальные символы, региональная и столичная «политическая мифология», ее герои и нарративы, публичные мероприятия – рассматриваются в качестве «естественных» или конструируемых оснований столичной идентичности в исследованиях, посвященных как столицам республик (Г.И. Макарова, А. Яцык), так и другим субъектам Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Терборн Й. Города власти. Город, нация, народ, глобальность. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 472 с.
2. Богатова О.А., Гусева Е.Н. Визуальные репрезентации социальной идентичности г. Саранска в качестве столицы Республики Мордовия в городских публичных пространствах [Электронный ресурс] // Огарев-online. 2019. № 14. URL: <http://journal.mrsu.ru/arts/vizualnye-reprezentacii-socialnoj-identichnosti-g-saranska-v-kachestve-stolicy-respubliki-mordoviya-v-gorodskix-publichnyx-prostranstvax> (дата обращения: 20.09.2020).
3. Социальное пространство современного города / под. ред. Г.Б. Кораблёвой, А.В. Меренкова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 252 с.
4. Амин Э., Трифт Н. Переосмысляя городское. Нижний Новгород: Красная ласточка, 2017. 224 с.
5. Роккан С., Урвин Д. В. Политика территориальной идентичности. Исследования по европейскому регионализму // Логос. 2003. № 6 (40). С. 117–132.
6. Харви Д. Социальная справедливость и город. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 440 с.
7. Вирт Л. Урбанизм как образ жизни // Вирт Л. Избранные работы по социологии: сборник переводов / РАН ИНИОН. Центр социальных научно-информационных исследований. Отдел социологии и социальной психологии; пер. с англ. В. Г. Николаев; отв. ред. Л. В. Гирко М.: ИНИОН, 2005. С. 93–118.
8. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3. С. 1–12.
9. Бауман З. Город страхов, город надежд // Логос. 2008. № 3. С. 24–53.
10. Сеннет Р. Падение публичного человека / пер. с англ. М.: Логос, 2002. 424 с.
11. Оже М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 136 с.
12. Зубаревич Н.В. Территориальный ракурс модернизации // Spero. 2009. № 10. С. 33–54
13. Валлерстайн И. Миросистемный анализ. Введение / пер. Н.Тюкиной. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. 248 с.

14. Воль Р.Р., Страусс А.Л. Символическая репрезентация и городская среда // *Личность. Культура. Общество*. 2015. Т. XVII. Вып. 3–4 (№ 87–88). С. 35–46.
15. Hall S. *Representation: Cultural Representations and Signifying Practices*. London – Thousand Oaks – New Delhi: SAGE Publications, 1997. 387 p.
16. Зукин Ш. *Культуры городов*. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 424 с.
17. Зукин Ш. *Обнаженный город. Смерть и жизнь аутентичных городских пространств*. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. 360 с.
18. Тимофеев М.Ю. Города и регионы как постиндустриальные бренды // *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований*. 2013. № 5. С. 29–40.
19. Трубина Е.Г. *Город в теории: опыты осмысления пространства*. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 519 с.
20. Винер Б.Е., Дивисенко К.С. Социальная структура исследовательской области «этнография / антропология города» в российской этнологии // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2018. № 2. С. 7–44. <https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.2.1>
21. Лексин В.Н. Города власти; административные центры России // *Мир России*. 2009. № 1. С. 3–33.
22. Лефевр А. *Производство пространства* / Пер. с фр. М.: Streike Press, 2015. 432 с.
23. Антонова Н.Л. Маркеры городской идентичности // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2019. С. 14–17.
24. Горнова Г.В. Структура городской идентичности // *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования*. 2018. № 3 (20). С. 14–16.
25. Брубейкер Р. *Этничность без групп*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.
26. Трубина Е.Г. Центр и периферия: между ростом и развитием // *Логос*. 2013. № 4. С. 237–266.
27. Трубина Е.Г. Праздники в Нижнем Новгороде: развлекая людей в распродаваемом городе // *Неприкосновенный запас*. 2016. № 2. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/nz/n2-2016/30373-prazdniki-v-nizhnem-novgorode-razvlekaaya-lyudey-v-rasprodavaemom-gorode.html> (дата обращения: 20.09.2020).
28. Трейвиш А.И. *Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа*. М.: Новый хронограф, 2009. 376 с.
29. Зубаревич Н.В. Поляризация городов России как следствие кризиса 90-х годов // *Вестник Евразии = Acta Eurasica*. 2001. № 1 (12). С. 5–29.
30. Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. Развитие больших городов в России в 2000-х годах // *Региональные исследования*. 2019. № 1 (63). С. 39–51.
31. Глазычев В.Л. *Город без границ*. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2011. 400 с.
32. Глазычев В.Л. Ловушка регионального подхода // *Логос*. 2005. № 1. С. 102–123.
33. Макарова Г.И. Взгляд на региональную идентичность: к программе социологического исследования // *Вестник Калмыцкого научного центра Российской академии наук*. 2017. Т. 29. Вып. 1. С. 84–94.
34. Yatsyk A. *Regional Dimensions of Global Games: The Case of Sports Mega Events in Tatarstan // Mega Events in Post-Soviet Eurasia: Shifting Borderlines of Inclusion and Exclusion* / ed. by A. Makarychev and A. Yatsyk: New York: Palgrave Macmillan, 2016. 229 p.
35. Дятлов В.И., Григоричев К.В. Сибирь: динамика этнизации городского пространства переселенческого общества // *Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. Религиоведение*. 2014. Т. 10. С. 8–19.
36. Дятлов В.И. Столицы сибирских автономий: советский проект нацистроительства и этнизация городского пространства // *Республики на Востоке России: траектории экономического, демографического и территориального развития*. Улан-Удэ: Изд-во БИЦ СО РАН, 2018. 288 с., С. 238–247.
37. Шабаев Ю. Культурное пространство столицы Коми: первичный и вторичный текст // *Человек. Культура. Образование. Научно-образовательный и методический журнал*. 2012. № 4 (6). С. 89–98.
38. Назукина М. В. Маркеры этничности в региональной идентичности республик России // *Регионоведение*. 2018. Т. 26, № 4. С. 698–717.
39. Панов П.В. Мир этнических региональных автономий: представление новой базы данных // *Вестник Пермского университета. Политология*. 2016. № 4. С. 66–93.
40. Минаева Э.Ю., Панов П.В. Этнические региональные автономии: вариативность соотношения этнических и политико-административных границ // *Политическая наука*. 2017. № 4. С. 178–205.
41. *The Territories of the Russian Federation 2016*. 17th Edition. Routledge: London, New York, 2016. 337 p.
42. *Российские регионы: экономический кризис и проблемы модернизации* / под ред. Л.М. Григорьева, Н.В. Зубаревич, Г.Р. Хасаева. М.: ТЕИС, 2011. 160 с.
43. Глазычев В.Л. Есть ли будущее у российского федерализма? // *Экономическая политика*. 2010. № 2. С. 74–77.
44. Туровский Р.Ф. Бремя пространства как политическая проблема России. Какая территориально-политическая модель в наибольшей степени соответствует особенностям российской географии? // *Логос*. 2005. № 2. С. 124–171.

45. Туровский Р.Ф. Региональная идентичность в современной России // Российское общество: становление демократических ценностей? М.: Гендальф, 1999. С. 87-136.
46. Центр и региональные идентичности в России / под ред. Владимира Гельмана и Теда Хопфа. СПб.; М.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге; Летний сад, 2003. 256 с.
47. Визгалов Д.В. Брендинг города. М.: Институт экономики города, 2011. 160 с.
48. Головнева Е.В. Многообразие дискурсов региональной идентичности // Известия Уральского Федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2014. № 1 (123). С. 198–203.
49. Головнева Е.В. Формы дискурсивной репрезентации городской идентичности // Социология власти. 2014. № 2 С. 56–64.
50. Крупкин П.Л., Лебедев С.Д. К сакральным основаниям локальных идентичностей в сегодняшней России: опыт структурного анализа // Социологический журнал. 2013. № 4. С. 35–48.
51. Рупасов Н.Ю. Ментальные карты Ижевска: стартовые позиции и перспективы города // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции: науч.-практ. журн. Ижевск: Копировальный салон «Юнита», 2009. № 2 (6): Ментальные карты Ижевска: Атлас городской среды / под общ. ред. Д.М. Сахарных. Науч. изд. 2009. С. 29–75.
52. Поварницына Ю.П. Фланирование как социокультурная практика в пространстве постсоветского индустриального города // Вестн. Удм. ун-та. Социология. Политология. Международные отношения. 2019. Т. 1, вып. 4. С. 429–443
53. Горнова Г.В. Городская идентичность: философско-антропологические основания: монография. Омск: Амфора, 2019. 167 с.
54. Абрамова С.Б., Антонова Н.Л., Пименова О.И. Привлекательность города как фактор территориальной мобильности в оценках студентов (на примере города Екатеринбурга) // Образование и наука. 2019. Т. 21, № 1. С. 97–123.
55. Сухушина Е.В., Рыкун А.Ю., Погодаев Н.П. Городское пространство – опыт исследования // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2014. № 1 (25). С. 94–98.
56. Вендина О.И. Архипелаг Москва // Pro et Contra. 2012. Ноябрь – декабрь. С. 33–49.

Поступила в редакцию 05.10.2020

Богатова Ольга Анатольевна, доктор социологических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева»
430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1
E-mail: bogatovaoa@gmail.com

O.A. Bogatova

**SOCIAL IDENTITY OF “POWER CITIES” IN MODERN RUSSIA:
BASIC SOCIOLOGICAL APPROACHES**

DOI: 10.35634/2587-9030-2020-4-4-361-374

The article analyzes domestic theoretical and methodological approaches to the study of administrative centers of the subjects of the Russian Federation. The author states a wide application of the concept of "capital city" in relation to the regional administrative centers, which are described by researchers as points of concentration of regional (or federal) ruling elites, dominating over the controlled and dependent on them "peripheral" territory of the region in political, economic and cultural relations, having access to global or federal financial flows, providing the population of the city and the region with social chances and access to a variety of services, creating and centralizing information and communication flows on the territory under their control, as well as cultural and symbolic foundations of regional identity. It is noted that there are opposing approaches to the analysis of regional and urban territorial identities in the research: essentialist one, based on the identification of "territories of belonging" and "territorial spaces" as objects of social identification of the population and symbolic formation of territorial identity politics with the self-consciousness of the region and its capital; and constructivist approach, focusing on the activity and interest of regional elites in the production of their capital identities. Culturalization is characterized as the predominant frame for the study of urban identity in contemporary Russia, with less pronounced attention to the civic component of urban identity, which is based on a sense of responsibility for the city and local civic activism. Among the distinctive characteristics of the capital cities identity of the republics within the Russian Federation, domestic researchers refer to the tendency to its "ethnicization" and absorption of republican identity through the reduction of cultural and symbolic components to cultural symbols and performative (including socio-political) practices, attributed by regional elites to the ethno-national identity of "titular" ethnic communities of the republics. Nevertheless, almost the same parameters of identity - local symbols, regional and

capital cities' "political mythology", its heroes and narratives, public events are considered as "natural" or constructed bases of capital city identity in the studies devoted to both the capitals of the republics and other subjects of the Russian Federation.

Keywords: urban studies, capital city identity, power cities, city identity, identity politics, region, republics in structure of the Russian Federation.

Received 05.10.2020

Bogatova O.A., Doctor of Sociology, Professor
National Research Ogarev Mordovia State University
Bolshevistskaya st., 68/1, Saransk, Russia, 430005
E-mail: bogatovaoa@gmail.com